

СИЛЬНА И ДЕРЗОСТНА КАК СМЕРТЬ ЛЮБОВЬ

Есть у нас в нашем Священном Писании несколько жемчужин, называемых «Песнь», отличающихся ясно ощущаемыми красотой и особой святостью: Песнь на море (Шмот, гл. 15); Песнь Аазину – Внемлите (Дварим, гл. 32); Песнь Дворы (Шофтим, гл.5); Песнь Ханы (Шмуэль-1, 1 – 10); Песнь Давида (Шмуэль-2, гл. 22)...

И среди них – Шир а-ширим – Песнь Песней, о которой спорили наши мудрецы. Чарующая, несравненная поэзия, язык – ослепительно яркий, и каждым словом своим побуждающий отнести этот бриллиант к жанру любовной лирики... но место ли ему тогда в ряду дышащих святостью книг ТАНАХа – Священного Писания?

Раби Акива, однако, не только отстаивал ее святость. Он сказал нечто гораздо большее:

Весь мир не стоит того, чего стоит день, в который была дана Песнь Песней Израилю: если все Священное Писание – это Кодеш – «Святое», то Песнь Песней – это Кодеш Кадашим – «Святая Святых» (Ядаим, 3:5).

Но ведь Кодеш и Кодеш Кадашим – это Храм! Важнейшее в нем; и с ними Храм – это любовь, как сказали наши мудрецы:

Когда народ Израиля приходил на праздники, открывали перед ними завесу Святая Святых и показывали обнимающихся керувим (крылатые фигуры на крышке Ковчега Завета в образе мужском и женском – во взаимном порыве чистой и невинной юности). И говорили народу: вы видите, что любит вас Всевышний, как муж любит жену (Йома, 54а).

Песнь Песней – это песнь о великой взаимной любви еврейского народа и Всевышнего; она, говорит раби Акива, – «святая святых» Священного Писания.

И еще сказал раби Акива: «Тот, кто выводит трели голосом, когда поет Песнь Песней во время пиршества на манер обычных песен, – не имеет удела в грядущем мире» (Тосефта Санедрин, 12:10). Почему так строго? «Выводит трели» – любит себя и голосом своим, и это – служение себе, а не Всевышнему; и Песнь Песней низводится тем самым до обыкновенной любовной лирики.

В другом месте (Мидраш Шир а-Ширим Зута) приводится столь же сильное, предельно прямое его высказывание: «Если бы не была дана Тора, то, чтобы править миром, достаточно было бы Песни Песней».

Почему это так? Править миром может лишь знающий о нем столько, сколько может знать лишь Творец его, Который «смотрел в Тору и творил мир» (Зоар, Трума). Целью же и причиной творения была Его любовь к миру и обитателям его, особенно возвышенная и воистину беспредельная – к еврейскому народу. И

из всех книг Торы любовь эта, по мнению раби Акивы, нашла глубочайшее и ярчайшее свое выражение в Песне Песней.

И раби Акива, действительно, имел особое, исключительное право на слова, которые сказал, оплатив его как жизнью своей, так и смертью...

И вот, Храм – любовь, как сказано уже; он весь – чертог любви из кипариса и цельного камня. Святая Святых в нем – как сердце двойное, из глыбы золота чеканные крувим – два нераздельных символа любви. – Но нет, не символы они – сама любовь! Дыханьем уст Творца оживлено изделие искусных рук, – в движении встречном двух пар крыльев...

А Песнь Песней – Святая Святых Священного Писания – чертог, дыханьем уст мудрейшего из всех людей возведен. Речей любви искусное сплетенье – сердце Храма великой любви...

И вот, обитель великой любви – кровь вседневно ее обагрят... В ней пересекаются острым как бритва ножом тысячами тысяч нити жизни – что ни день, синхронно ходу солнца в небесах... «Конвейер» – режут, кровь собирают и ею кропят, сжигают целиком или отдельные части, другие же – едят...

Слово «жертва» – карбан, один корень с кирва, – это «близость»; и также любовь – это близость. Каким же образом «конвейер смерти» превращается в «конвейер жизни», средоточие любви?

Когда, служа и Творца познавая, постигнет человек хоть малой мерою величие Его, – падет на него великий страх пред Ним – в сознании греховности и низости своей. И не в грехах одних, – но также в том, что он, как скот, не в силах оценить дар сотворения и бытия – и своего, и мира. И потому – достоин сам того, что делают пред ним над существом трепещущим живым, которому он так подобен... Как сказал Рамбан:

Чтобы осознавал человек, совершая все это, что грешил он против Б-га телом и душой, – и потому по праву было бы предать

огню его тело и кровь, – если бы не милосердие Создателя, Который благоволил принять у грешника взамен жертву искупительную. Чтобы сделать кровь жертвы – заменой его крови, душу жертвы – заменой его души, органы жертвы – заменой его органов. А части, съедаемые коэнами, – да пробудят в них трепет перед Торой, чтобы молились за него. И постоянное жертвоприношение установлено – искупать каждодневно грехи свои. Но в действительности – есть в жертвоприношениях тайна сокровенная [сверх постижимого разумом людским]. (На Ваикра, 1:9).

Итак, сказал Рамбан: Храм – в нем страх, и кровь, и суд, и милосердие в суде, – весь «спектр отношений».

Весь ли? Где же в нем любовь?

Любовь произрастет в душе – из милосердия в суде. Из милости Творца – Великого Судьи, любовь Которого – изначально и извечна; ведь в ней – вся причина творения. С той любовью, с которой творил, – Он и судит.

И вот, произрастет из одного ростка любви другой; и станет их любовь, Творца и сотворенного – взаимной. И сказал о ней Шломо:

Аза ка-мавет аава – «Сильна и дерзостна – как смерть – любовь» (Шир а-Ширим, 8:6).

Аза – хазака, то есть «сильна», говорят комментаторы; но почему в Песне все же сказано аза? Мы слышим явно что-то больше, и переводим здесь: «сильна и дерзостна» – бестрепетна, отважна; способна прорывать границы. Такова она – любовь.

Таков характер льва – царя зверей: Ме-аз яца маток – «Из дерзостного выйдет сладость», – загадка Шимшона (Судьи, 14:14). Чем дерзновеннее – тем слаще будет мед; и в том, возможно, тайна возвращения к Всевышнему в любви, переводящего грехи наши в заслуги... Тьму – в свет, и зло – в добро...

Ведь чтобы так вернуться – надо сокрушить себя, восстать как лев против своей натуры, против гордыни: «Кто герой? – Владеющий собой» (см. Авот, 4:1).

И вот, камни жертвенника; то, что на нем вершится, – символ единства Творца во всех мирах. Постамент из материала нижнего грубого земного мира, и на нем пляшет пламя – мост между мирами сверху донизу, – пламя великой любви. В котором мы хотели б вознестись к Возлюбленному нами, – двум пламеням слиться в одно. Одно на тех камнях, другое в наших душах; и вот – взвивается оно единым вихрем к небесам, к подножью Трона Славы, – как было с ангелом, возвестившим Маноаху и его жене о будущем сыне, Шимшоне... Вознестись – и доложить об исполненном долге... но мы не ангелы, нам это не дано, пока мы живы. И дозволяется нам в связь войти лишь в малой мере – отдать, предать огню из достояния, что «драгоценно нам, как собственное тело». Из вызывающего жалость и желающего жить, способного страдать подобно нам. И выражающего сущность нашу –

чем хотим стать сами: чисты и без порока, без кривизны в пути и мыслях, – прямыми пред Творцом благословенным.

И стремление это наше к воссоединению с Творцом, рожденное любовью, – что пред ним смерть? Тоже переносящая из мира в мир – из нижнего в Небесный, – и даже недостойных, подобных нам! И потому в самом стремлении таком – есть дерзость величайшая: как мне, земному существу, любить и единиться с Тем, Кто так возвышен? И это было у Надава и Авиу, сыновей Аарона, принесших вдруг незаповеданный огонь – огонь любви своей и смерти, – ибо – «Сильна и дерзостна как смерть любовь»...

Два столь разных чувства есть у нас перед Творцом – и два начала: страх великий – и такая же любовь. Страх – перед величием Его, из-за ничтожности и слабости пред Ним – Могучим, Грозным. И воздвигает этот страх стену меж нами до небес – неодолимую.

Но приходит за ним вдруг второе начало: «Я принадлежу Любимому моему, а Любимый мой – мне» (там, 6:3)... Как будто заглянули за парохет – завесу... а там – что за дерзость – видим их, любящих, – равных! Простирающих крылья навстречу друг другу – с «открытием лица – гилуй паним» – друг другу; и где та стена, где та пропасть – куда девалась та преграда до небес меж нами? В совершенной любви этой – двое равны, и вот – снесло ту стену поднебесную мощным потоком – «Многие воды не смогут погасить любовь, и реки не зальют ее» (там, 8:7)! Сильнее смерти была та любовь у поколений нашего народа, освящавших муками и смертью Святое имя – многими веками и доньше...